

Кризис финансовой глобализации и его последствия для мира и России

А.Н. Быков

Два последних десятилетия экономическое и политическое развитие мира происходило и продолжает происходить под мощным воздействием процесса глобализации, наиболее динамичной в котором является ее финансовая составляющая. Финансовая глобализация, подпитывая и опосредствуя развертывание этого процесса по всем направлениям, все больше превращается в самодостаточный и направляющий его элемент, стимулируя массовое перемещение по всему миру огромных потоков капитала и денежных средств в различных формах, укрепляя взаимозависимость мировых финансовых рынков, осуществляющих операции с валютой и ценными бумагами с применением как традиционных, так и особенно новых финансовых инструментов, используя для этого сопровождающую глобализацию повсеместную либерализацию торгово-финансовых операций и возможности Интернета.

Со всем этим многократно возросло влияние финансовой глобализации на мировое экономическое развитие и транснациональную деятельность крупнейших корпораций как главных выгодополучателей и инициаторов всего глобализационного процесса, среди которых в послевоенное время доминирующая роль закрепилась надолго за американским капиталом и представляющей их интересы американской правящей элитой, открыто признавшей после падения биполярного мира свое право на верховенство в определении его судеб.

Если в прошлые эпохи развития капитализма финансы следовали за перемещением товара, опосредствуя его трансграничное перемещение, то ныне финансовая сфера стала по существу “вещью в себе и для себя”, оторвав-

шись от материального производства и товарных обменов как в национальных, так и особенно в глобальных масштабах. С международным обменом товарами и услугами непосредственно связано лишь 30% непомерно возросших глобальных денежных потоков, тогда как 70% обслуживают по существу саму финансовую сферу, обеспечивая основные доходы транснациональных монополий от подталкиваемого ими глобализационного процесса. Неудивительно, что международное денежное обращение на порядки превышает объемы всей существенно возросшей мировой торговли, а ежедневные межстрановые финансовые трансферты еще недавно превышали два триллиона долларов, и более десяти триллионов долларов иностранных депозитов в коммерческих банках кочевали по миру в поисках максимизации прибыли через различные финансовые операции.

Вместе с тем, вся мировая финансовая система представляет наиболее неустойчивый сегмент мирового хозяйства, подверженный повышенной волатильности, выражающейся в непостоянстве валютных курсов и процентных ставок, связанном с теми или иными изменениями конъюнктуры на различных рынках, что, в свою очередь, вызывает массовый приток или отток средств с соответствующих рынков, а при отягчающихся обстоятельствах ведет к периодическим финансовым кризисам локального, регионального или даже глобального характера, как это имеет место в настоящее время, когда спровоцированный ипотечным кризисом в США финансовый кризис стремительно распространился по существу по всему миру.

Все это убедительно свидетельствует о том, что в современном финансовом капитализме в соответствии с взявшей в нем верх англо-саксонской моделью трейдер-спекулянт, торгующий активами (прежде всего инвестиционные и хедж-фонды), как отмечает обозреватель “Файненшл Таймс”, одержал верх над производителем,¹ а вся финансовая сфера представляет собой как двигатель глобализации, так и ее наиболее уязвимое звено, которое на данном этапе и знаменует явный кризис всей финансовой глобализации как таковой.

Сама последняя формировалась поэтапно, захватив весь послевоенный период, т.е. задолго до того, как сам процесс глобализации был признан как новый этап мирового хозяйственного и более широкого общественного развития и его интернационализации (кстати, как историческое явление, признанное таковым еще в начале XX века Р.Гильфердингом и В.Леониным).

Послевоенная мировая финансовая система создавалась по инициативе США на Бреттонвудской экономической конференции 1944 г., на которой в основном участвовали страны антигитлеровской коалиции. При этом США исходили из опыта развития мира после крупнейшего кризиса 1929 г., вызванного перегревом экономического развития в рамках нерегулируемых рынков 20-х годов прошлого века, медленное преодоление которого происходило вплоть до начала Второй мировой войны под началом президента Ф.Рузвельта в рамках его «нового курса», в основу которого была положена модная в то время теория английского экономиста Дж. М. Кейнса о необходимости регулирования государством рыночной экономики, включая и внешнеэкономическую деятельность, сильно пострадавшую в период Великой депрессии от повсеместных протекционистских устремлений и ограничений на межгосударственные финансовые операции.

В результате Бреттонвудской конференции, проходившей под влиянием кейнсианских идей, было принято решение о создании для регулирования мировой торговли и, прежде всего, мировой финансовой системы Международного валютного фонда и Мирового банка, а также Всемирной торговой организации (ее удалось создать спустя трех лет лишь в рамках усеченного ГАТТ, которое лишь в 1995 г. было преобразовано в ВТО).

Созданная мировая финансовая система, в которой поначалу не принимали участие из тогдашних держав-победителей лишь СССР и Китай, обеспечивала жесткую привязку валют стран-участниц к доллару США, выступившего с того времени как основная мировая резервная валюта, который сам поддерживался золотом по довоенному курсу — 35 долларов за тройскую унцию при том, что доллар эмитировался только США и обеспечивался американским золотом, накопленным в результате оплаты поставок ими вооружений союзникам. МВФ и Мировой банк, в котором ведущая роль принадлежала тем же США, обеспечивали функционирование созданной системы, следя за установленным валютным паритетом и оказывая содействие в его поддержании, а также помощь в послевоенном восстановлении экономики и развитии мировой торговли и связанных с этим расчетах.

Положение стало кардинально меняться в 70—е годы, когда президент США Р.Никсон в результате возросшего торгового и платежного дефицита и огромных расходов на вьетнамскую войну и гонку вооружений сначала поднял цену золота, а затем вообще отказался от обмена доллара на золото, что в 1975 г. было закреплено в уставе МВФ на конференции в Ямайке. Это положило конец твердым обменным курсам валют, переведя их на режим свободного плавания. С тех пор восторжествовала система дерегулирования международных финансовых отношений и экономического развития в целом, считающаяся англо-саксонской новацией, к которой затем нехотя и с оговорками подключились Западная Европа и Япония. При этом США де-факто сохранили за долларом положение главной резервной мировой валюты, в которой производятся расчеты по экспортно-импортным операциям, прежде всего по сырьевым товарам, хранятся валютные резервы стран, что позволяет США как основному импортеру и инвестору пускать в мировой оборот столько долларов, сколько они сочтут целесообразным, обеспечивая их стоимость ничем иным, кроме как своим авторитетом и могуществом.

Поскольку мировые валюты стали плавать, т.е. изменять произвольно свой курс, это увеличило риск производных валютных операций и потребовало создания инструментов хеджирования. Автором новации стал в 1972 г. чи-

кагский юрист Л.Меламед, на идеях которого и специализировалась чикагская товарная биржа, став мировым центром оборотов с фьючерсами. За ними последовали другие производные финансовые инструменты, которые наводнили мировые финансовые рынки и стали в силу их слабого правового регулирования одной из причин их волатильности и открытости для неожиданных подъемов и спадов.

Одновременно в том же Чикаго М.Фридманом и его учениками была основана чикагская школа экономистов, не согласных с кейнсианской теорией о государственных интервенциях в экономику. Они провозгласили примат свободного от бюрократического вмешательства рынка лучшим средством финансового, а следом за ним и экономического роста и обогащения. Практически параллельно Р.Рейган в США и М.Тэтчер в Англии поддержали те же идеи, провозгласив курс неоконсервативного либерализма, якобы способного обеспечить ускоренный рост, сократив государственную собственность и вмешательство в экономику, укрепив режим частной собственности и сделав ее достоянием широкого круга граждан, прежде всего домовладельцев и игроков на бирже, оградив их тем самым и от левых влияний.

Указанный курс дал неоднозначные результаты. Всемирное дерегулирование финансовых операций, в тандеме с широко рекламированным тридцатилетним экономическим ростом, стремительным наращиванием биржевых оборотов и спекуляций, смещением традиционного банковского кредитования в сферу секьюритизации операций при интеграции коммерческой и инвестиционной деятельности, широким выходом последней на мировой рынок при вовлеченности в нее институциональных инвесторов и многократном возрастании для страхования от связанных с этим рисков все новых производных финансовых инструментов, сопровождалось периодическими финансовыми сбоями. Достаточно указать на так называемый Big Bang и стагфляцию 70-х – 80-х годов или плачевные финансовые результаты “Великой модернизации” на рубеже веков, растущей волатильностью всей мировой финансовой системы, как она сложилась и функционировала после ее перевода на плавающие курсы валют при всемерном дерегулировании банковской деятельности.

Хотя и в этот период видные ученые и специалисты выражали тревогу, в эффективность нового курса продолжали верить крупнейшие представители финансового мира, включая ныне критикуемого «знаменитого» руководителя Федеральной резервной системы США в 1987-2006 годах А.Гринспэна, который, признавая рискованность новых заемных операций, приносящих высокую прибыль, тем не менее, считал действенными применяемые механизмы распределения риска, пусть даже в ущерб экономической стабильности, особенно в глобальном измерении.²

Открытие национальных экономик для движения своего и иностранного капитала, признаваемое неолибералами важнейшей предпосылкой оптимизации его использования в глобальных масштабах, усиливает, как показывает практика последних десятилетий, уязвимость национальной экономики по отношению к периодически возникаемым финансовым кризисам, составляющим неотъемлемый элемент рыночной экономики капитализма на всех стадиях его развития. После относительно благополучного периода начала 1990-х годов разразилась череда финансовых кризисов, от которых пострадали многие крупнейшие нарождающиеся рынки, уплатив тем самым тяжелую дань активному вовлечению без надлежащей подготовки в процесс финансовой глобализации. Наиболее крупными и тяжелыми по своим последствиям из них стали мексиканский /1994 г./, азиатский /1997-98 гг./, российский /1998 г./, бразильский /1999 г./, турецкий /2000 г./ и аргентинский /2001 г. с продолжением/.

Для всех этих кризисов характерны и общая природа и национальная специфика. Во всех случаях в их основе лежит сочетание ошибочности внутренней экономической политики и изъянов национальных финансовых систем с неуправляемостью и произвольностью движения международного капитала, особенно краткосрочного, спекулятивного, способного под влиянием ожидаемой повышенной доходности либо реальных или мнимых угроз своему сохранению как массово притекать на данный рынок, так и еще в большей степени его покидать, обрекая его на неминуемый кризис, особенно если национальные рычаги и регуляторы не срабатывают, а внешняя помощь отсутствует или недостаточна.

Финансовые кризисы в развивающихся и нарождающихся рынках не приняли глобального характера и их удавалось локализовать, хотя сохраняется опасность трансформации локальных сбоев в глобальные катаклизмы, что продемонстрировал ипотечный кризис осени 2007 года в ведущей мировой державе — США, уверовавшей в свою исключительность и долгое время живущей практически в долг, покрывая огромный пассив торгового и платежного баланса за счет притока капитала извне от стран с избыточными золотовалютными резервами в США как признанного надежного заемщика в его казначейские облигации, а также частные долговые обязательства. Среди них лидируют КНР, Япония, нефтедобывающие страны, включая Россию.

Аналитики финансовых кризисов последних десятилетий выделяют ряд общих черт, характеризующих это бедствие независимо от того, поразило ли оно нарождающиеся рынки или сами США. Среди них гарвардский профессор, в прошлом главный экономист МВФ К.Рогофф, отметивший следующие качественные параллели: банки, использующие небалансовые займы для финансирования высокорискованных проектов, новые экзотические финансовые инструменты и опасный оптимизм в отношении новых рынков. В этой связи отмечен мощный приток долларов в США из развивающихся рынков и других стран, позволяющий взвинчивать цены на активы и подавлять процентные ставки, способствуя ослаблению стандартов регулирования, что, в конце концов, и приводило к кризисам, хотя важнейшие индикаторы, в том числе перегрев фондового рынка и рынка недвижимости, дефицит торгового баланса, рост государственного долга и задолженности домашних хозяйств, замедление экономического роста давно уже служила сигналом тревоги.³

Спецификой американского кризиса явилось и то, что накопленная под влиянием низких процентов и с игнорированием риска возврата предоставляемых ипотечных кредитов огромная задолженность была переоформлена в акции и облигации инвестиционных институтов, которые получили широкое распространение по всему миру, а поэтому крах созданной пирамиды сильно ударил как по крупнейшим американским банкам и инвестиционным институтам, так заодно и по их партнерам в зарубежных стра-

нах, придав кризису характер глобальной катастрофы, особенно по мере стремительного распространения инициированного США финансового кризиса по цепочке в другие регионы, обрушив финансовые биржи сначала развитых стран, а затем и нарождающихся рынков, которые поначалу рассматривались как возможные “тихие гавани”.

При этом характерно, что именно последние, прежде всего азиатские и ближневосточные и их суверенные инвестфонды, выступили приобретателями крупных пакетов акций, спасая от банкротства ряд пострадавших от кризиса ведущих инвестиционных банков Уолл-стрита, израсходовав на эти операции много-миллиардные суммы.

Прежде всего американский кризис сказался на Европе, несмотря на то что она, критически относясь к англо-саксонской модели неоконсервативного либерализма, пыталась сохранить свою идентичность, подкрепив ее собственным валютным союзом, основанным на евро, а затем достал и другие мировые регионы, включая и до того даже вполне преуспевающие Китай и Россию, чем несомненно был продемонстрирован эффект финансовой глобализации. Неудивительно, что схожими в общих чертах оказались и меры антикризисного регулирования, спешно предпринятые в различных странах и регионах, чтобы как-то уберечься от неожиданно для всех нагрянувшего бедствия или как минимум по возможности, далеко для них не идентичным, как-то ограничить связанные с ним убытки.

Наиболее показательной общей чертой предпринятых и предпринимаемых антикризисных мер, причем практически для всех стран — от наиболее либерально настроенных до ориентирующихся на госкапитализм — в роли спасителя выступают государство и его бюджетные и другие публичные ресурсы, забывая при этом о спасительной руке рынка, который всё и всегда может и должен наладить без излишнего и обременительного вмешательства государства.

Как свидетельствует даже флагман либерализма лондонский журнал «Экономист» в специальном обзоре мировой экономики, “история преподносит важный урок: большие банковские кризисы в конце концов разрешаются вбрасыванием огромных сумм публичных де-

нег и решительными государственными действиями по рекапитализации банков или принятии на себя «плохих» долгов с тем, чтобы минимизировать затраты налогоплательщиков и ущерб для экономики». При этом журнал ссылается на удачный пример Швеции по быстрому спасению банков при взрыве финансового пузыря в начале 1990-ых годов и затяжное преодоление такого взрыва Японией, обошедшееся налогоплательщикам в огромную сумму, равную до 24% ВВП.

Ссылаясь на сегодняшние США, журнал указывает на то, что по принятой американским правительством антикризисной программе TARP, реализация которой еще не ясна, выделяется огромная сумма порядка 7% ВВП, что, однако, много меньше 16% ВВП необходимых затратить из публичных средств, по мнению журнала, для окончательного урегулирования подобного системного банковского кризиса /затем от казны США последовали новые огромные вливания на поддержание экономики и занятости. - А.Б./ Журнал отмечает, что Америка готова действовать решительно, выкупая через казначейство на огромные суммы безнадежные ипотечные долги и активы разорившихся банков по минимальным ценам, а при необходимости напрямую повышая их капитализацию, что в целом внушает журналу оптимизм.

Вместе с тем журнал признает, что почти весь богатый мир уже находится в состоянии рецессии, прежде всего в силу резкого ограничения кредитных возможностей на многие триллионы долларов /только американские и европейские банки потеряли активы на 10 триллионов долларов/, что одно ведет к сокращению экономического роста на 1,5%, которое уже наблюдается в США, европейских странах и Японии.

Определенный оптимизм внушает журналу и положение на крупнейших нарождающихся рынках, особенно в Китае. Хотя их экономика не оказалась, как предполагали, изолированной от событий в богатом мире, а их биржи и валюты испытали значительное падение, экономики этих стран, ведомые Китаем, в противоположность этому миру, по расчетам МВФ, сохраняют внушительный рост и в 2009 году, что создаст «подушку» для мировой экономики, но не сможет, однако, спасти ее от рецессии.

Признавая в качестве источника нынешнего финансового кризиса обилие дешевых денег на американских фондовых рынках, в том числе за счет массового прилива их с новых нарождающихся рынков, слишком рискованное и неконтролируемое властями их использование воротилами Уолл-стрита, жадными до сверхдоходов, ослабление роли США и доллара в управлении мировыми финансами при возрастании мощи и влиянии новых, прежде всего азиатских конкурентов, журнал предупреждает об опасности скороспелых выводов и решений, основанных на критике «рыночного фундаментализма» и отказе от доллара как резервной валюты, преимуществ глобализации и свободных рынков, хотя глубокая трансформация всего поименованного очевидна с учетом также очевидных пороков финансовой глобализации и всего миропорядка, равно как и меняющегося соотношения сил и теоретических подходов к решению глобальных проблем человечества.⁴

Если поздним летом 2007 г., когда ипотечный кризис в США впервые заявил о себе к явному или мнимому удивлению политиков и бизнесменов страны, никто не предполагал о возможности превращения этого события в беду не только национального, но и всемирного масштаба, то год спустя под его ударом содрогались и рушились фондовые биржи и финансовые институты практически всех континентов, а связанные с ним убытки стали исчисляться триллионами долларов. Государственный же долг страны, породившей это бедствие, являясь важной его причиной, с учетом кризиса брошенных на подавление кризиса гигантских сумм превысил 11 триллионов долларов. Причем никто не знает, как и когда его удастся погасить даже богатейшими США, если только они, сохранив свой доллар как основную мировую резервную валюту и свое казначейство для всех стран как надежнейшее хранилище их валютных резервов, не продолжат с еще большим рвением наводнять мир произвольно печатаемыми ассигнациями с изображением своих президентов. Вместе с тем в мире заговорили о планах замены доллара на амеру как общую валюту стран НАФТА на манер евро в ЕС, о необходимости перехода к системе Бреттон-вудс II на основе твердых обменных курсов валют, о необходимости наличия нескольких резервных валют.

Не удалось, как предполагалось, ограничить всё банковским или финансовым кризисом, который как в США, так и далеко за их пределами все сильнее бьет по всей экономике и социальной сфере, сопровождаясь массовым падением производства и торговли, закрытием и банкротством предприятий в производстве и сфере услуг, ростом безработицы и сокращением потребления как основного двигателя экономического развития.

Неудивительно, что нынешний кризис стал все чаще сравниваться с величайшим мировым кризисом 1929 года или, во всяком случае, признаваться наибольшим экономическим потрясением после той Великой депрессии ее хорошо известными социально-экономическими и политическими потрясениями. Характерны эпитеты, которыми награждается нынешняя катастрофа известными политиками и политологами: “пришел “Черный Сентябрь” эры глобализации”, пишет американец С.Телбот в лондонской “Файненшл Таймс”, “Сентябрь — глобальное торнадо”, характеризует повсеместный финансовый провал сентября 2008 г. наш политолог С. Фролов в «Москоу Таймс».

Нарастающий размах поразившего мир бедствия вызвал усиливающиеся повсеместно меры противодействия, прежде всего в Европе, тесно связанной с США экономически и политически, где негативные последствия его немногим уступают американскому, а по некоторым показателям даже представляются более болезненными, учитывая более слабые исходные позиции последней, разномасштабность старых и новых членов, различный уровень их социально-экономического развития. Наиболее мощная из них, Германия, бросила 5 млрд евро на поддержку банков и еще 50 млрд евро - экономики в целом, Англия превзошла США по остроте ипотечного кризиса, Испания по уровню безработицы, а Венгрия, Исландия и Латвия оказались на пороге финансового дефолта, причем в последней это вызвало массовые протесты.

Обеспокоенный поспешными и нескоординированными антикризисными мерами отдельных своих членов, разными размерами гарантий частных банковских вкладов и возможностями недобросовестной конкуренции за привлечение вкладчиков, ЕС предпринял усилия по отлаживанию четкой координации принимаемых антикризисных мер и вслед за США по-

шел на сокращение ставок рефинансирования для стимулирования экономического роста, игнорируя опасность инфляции, опасаясь больше возможной более труднопреодолимой дефляции, с которой целое десятилетие пришлось ранее сражаться Японии.

Поскольку глобальная макроэкономическая ситуация сегодня во многом определяется за пределами богатого мира и там, прежде всего в Азии, покоятся «свободные» деньги, к ней начинают обращаться за помощью в преодолении кризиса. Английский премьер Г. Браун уже обратился к нефтедобывающим арабским странам и Китаю с просьбой о пополнении казны МВФ для финансовой поддержки фондом, страдающим дефицитом средств, бедствующих развивающихся стран, и это, видимо, отнюдь не последнее такое обращение.

Вместе с тем, положение новых нарождающихся рынков отнюдь не представляется однозначным. Некоторые из них уже испытывают замедление экономического роста от сокращения экспорта в развитые страны, другие обеспокоены связанным с кризисом падением цен на экспортируемые ими сырьевые товары. Ряд стран, прежде всего ЦВЕ, накопили солидный дефицит платежных балансов, и их финансовое положение становится все более ненадежным, а у некоторых из них угрожающим дефолтом.

Характеризуя вышеизложенное, журнал “Экономист” справедливо выделяет Китай, который признается им вполне здоровым, и если положение мировой экономики будет и дальше ухудшаться, то именно он может, скорее всего, выступать в роли ее спасителя. Однако и его правительство, как свидетельствует журнал, обеспокоенное замедлением экономического роста, снижает резервные требования для малых банков, сокращает ставки рефинансирования. С точки же зрения глобальной перспективы, для него, по мнению журнала, целесообразно было бы ослабить налоговую нагрузку и позволить юаню подорожать. Располагая большими резервами роста потребления, Китай при этом способен противостоять угрозе дефляции в богатых странах по мере ослабления доллара и иены по отношению к юаню. В этой связи МВФ с удовлетворением встретил выделение Китаем до 2010 года 586 млрд долл. на поддержку экономики и занятости, расширение кредитования и жилищного строительства как важной социальной задачи.

Большая же гибкость в регулировании валют позволит, по мнению журнала, преодолеть нынешний кризис, а в долгосрочной перспективе уроки, почерпнутые нарождающимися экономиками из него, помогут в определении курса развития глобальной финансовой системы, заключает “Экономист” свой обстоятельный обзор мировой экономики.⁵

Вместе с тем, положение на мировых финансовых рынках продолжает обостряться, несмотря на предпринимаемые жесткие и дорогостоящие меры по смягчению ударов разгоревшегося кризиса, падение цен на нефть и другие сырьевые товары и обещаний скорых перемен, с которыми неизменно выступал в ходе избирательной кампании победивший на ноябрьских выборах новый президент США Б. Обама. Его, как у нас, так и за рубежом, нередко сравнивают с М. Горбачевым, который также обещал все перестроить и наладить, ясно не представляя, что и как необходимо для этого сделать, а формируемая им экономическая команда преимущественно из клинтоновского окружения, включая и авторов нашей «шоковой терапии», не вселяет надежды на новые подходы.

В этой обстановке все настоятельнее стала необходимость принятия решительных скоординированных на глобальном и региональном уровнях мер по реформированию мировой финансовой системы и регулированию ее развитием. Это подтверждается как явными пороками существующей финансовой системы, так и неспособностью рожденных ими глобальных и региональных институтов осуществлять возложенные на них функции на основе учета интересов и возможностей всех стран и регионов. Они не сумели предсказать ни одного из крупных кризисов послевоенного времени, ни тем более предложить и реализовать эффективные меры по их разрешению с наименьшими потерями.

После согласования на региональных и глобальных уровнях исходных позиций была проведена, наконец, в ноябре 2008 года первая многосторонняя встреча руководителей двадцати ведущих стран от всех регионов мира в Вашингтоне для обсуждения сложившегося положения в мировой экономике и финансах с учетом разразившегося глобального кризиса и выработки коллективных мер по нормализации бедственного положения в этих областях, затрагивающих судьбы всего человечества.

На этом новом форуме большинство представителей высказали свои соображения и предложения, зачастую уже согласованные в той или иной мере на региональных уровнях. Так, ЕС, ведущий центр мировой торговли, представил с трудом согласованный общий для его членов подход, близкий по основным вопросам с позицией союзных с ним США, исходящий из необходимости большей прозрачности и регулируемости мировых рынков, сохраняющих их открытость, но исключающих эгоизм и безответственность Уолл-стрита, породивших прежде всего переживаемое глобальное бедствие. Однако и в рамках самого ЕС на этот счет нет полной согласованности, поскольку при общей ориентации на социальную рыночную экономику Великобритания придерживается традиционного англо-саксонского подхода, в то время как континентальная Европа, где председательствовал в ЕС во второй половине 2008 г. президент Франции Н. Саркози, еще ранее для защиты Европы от американского финансового кризиса призвал пересмотреть всю действующую финансовую систему мира и постепенно перейти к «регулируемому капитализму». Он озвучил новый экономический подход Евросоюза как по существу независимый от экономики США. По его мнению, “необходимо найти новый баланс между государством и рынком... и выработать средства регулирования экономики в эпоху глобализации”. Финансовый кризис в США, по мнению французского президента, показал, что идея “рынок всегда прав — безумна”, а принцип *Laissez-faire* остался в XX век и сменяется идеей “регулируемого капитализма”. Если уж США тратят миллиарды казенных денег на погашение банковского кризиса, вопрос о легитимности государственного вмешательства в экономику подниматься не может”, отметил он, предложив на последней сессии Генассамблеи ООН ужесточить контроль за банками, усилив, в частности, их ответственность за финансовые спекуляции.⁶

Что же касается США, которые сохраняют ведущие позиции в экономике и политике при всем происходящем изменении соотношения сил на мировой арене, то от них естественно ожидали как новых идей, так и особенно конкретных предложений по совершенствованию глобальной финансовой системы и ее регулирования с учетом интересов всех участников мирового “концерта” и по обузданию ими же инициированной глобальной сумятицы в эконо-

мике и финансах. Однако они по существу ограничили в основном красивой декларацией о намерениях да, видимо, и не могли сделать большего, учитывая ограниченную дееспособность обоих президентов - уходящего с арены и не вошедшего на нее в полную силу, хотя новый американский президент выиграл выборы под лозунгом перемен, а на его рабочем столе, как писали, всегда присутствовал новый труд популярного американского политолога Ф. Закария "Постамериканский мир", в котором подвергнуты суровой критике претензии США на роль мирового диктатора и жандарма и высказываются идеи о необходимости их приспособления к меняющемуся миру для сохранения в нем своих ведущих позиций на путях отказа от односторонних действий и согласования позиций с другими странами по важнейшим проблемам мирового развития, следуя принципу *primus inter pares* /первый среди равных/.⁷

На своей первой пресс-конференции после избрания Б. Обама признал развязанный США финансовый кризис величайшим вызовом для Америки и обещал в трудной борьбе с ним к подъему экономики США уделять первейшее внимание, а его окружение отметило также готовность нового президента к налаживанию отношений со всеми странами, включая Россию, что позднее подтвердил и сам Б. Обама.

Что же касается России, то ее позиция исходит из того, как отметил президент РФ в своем первом на посту послании Федеральному собранию, что мировой финансовый кризис начался как локальное ЧП на национальном рынке США, тесно связанном с рынками всех развитых стран. Но экономика США, как самая мощная из всех, потащила за собой вниз на траекторию спада финансовые рынки всей планеты, а этот кризис приобрел глобальный характер. А поэтому, по его мнению, необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества. Надувая денежный пузырь для стимулирования собственного роста, власти США не только не потрудились скоординировать свои действия с другими участниками глобальных рынков, но и пренебрегли элементарным чувством меры. Возникшее же после распада СССР представление о собственном мнении как о единственно верном и неоспоримом в конечном итоге и привело власти США и к

крупным просчетам в экономической сфере. Новая финансовая архитектура, о необходимости которой говорится уже давно, должна, как подчеркнул Д. Медведев, обеспечивать интересы всех участников и при этом быть защищенной от использования в интересах одной страны или группы стран, одной экономической системы, которая будет компенсировать свои грубые ошибки за счет других.

Как в данной связи отметил президент РСРП А.Шохин, главное в новой архитектуре — это устранение монополизма США в выстраивании валютных и финансовых центров. Новая система должна базироваться на большем количестве валют и финансовых центров. Нужна новая система эффективной оценки рисков. Россия сейчас рассматривается в мире как одна из стран с большим количеством золотовалютных резервов, которая может стать одним из доноров процесса создания этой новой архитектуры мира. Развитые страны явно уже в том положении, которое требует участия внешних инвесторов в покупке их государственных ценных бумаг. И роль России и Китая здесь очень велика. Отношение к нам уже изменилось. Но, понятно, что участие и уступки должны быть взаимны. И уже очевидно, что строиться новая мировая система будет без доминирования какой-то одной страны.⁸ С аналогичной позицией выступила группа БРИК на совещании двадцатки в Сан-Пауло, чей представитель президент Бразилии Л. да Силва высказался за новую финансовую архитектуру без диктата Большой семерки с широким участием всех стран, включая набирающих вес развивающихся государств, с учетом интересов всех стран и мировых регионов.

Вашингтонский форум «двадцатки» позволил участникам представить и сопоставить свои позиции по важнейшим вопросам возможного обуздания набирающего силу глобального бедствия и формирования новой архитектуры мировой финансовой системы, однако скоординированных подходов в полной мере по понятным причинам на данном этапе не удалось. Дело ограничилось общей декларацией о необходимости координации антикризисных мер и повышении роли в этом МВФ, о неприемлемости протекционизма, а также готовности продолжить консультации на следующем подобном форуме в апреле 2009 г. в Лондоне, где, кстати, предстоит и первая встреча новых президентов РФ и США.

По всем признакам кризис все нарастает, не достигнув своего дна, а поэтому следует ожидать новых попыток стабилизировать положение на различных форумах регионального и глобального масштаба (таким, по существу, стал саммит АТЕС в Лиме), стараясь, если удастся, сблизить позиции различных стран и регионов по решению высветивших глобальной катастрофой острых проблем мирового развития, а также с учетом общих интересов и возможностей, новой расстановки мировых сил выработать действенные коллективные антикризисные меры срочного характера, а на перспективу и контуры обновленной архитектуры мировой финансовой системы. Пока же на этот счет высказываются как надежды, так и сомнения, учитывая нежелание богатых делиться с бедными и практически всех идти на ущемление своего суверенитета.

Что же касается сегодняшнего положения мировой экономики и ближайших перспектив, то характерен октябрьский доклад МВФ, согласно которому за последний месяц перспективы роста резко ухудшились: во всем мире финансовый сектор продолжил сокращать кредитование, уровень потребительского доверия снизился, ухудшились и ожидания компаний, дешевле, чем предполагалось, стоит нефть. Данный прогноз, скорее всего, будет пересматриваться в худшую, нежели в лучшую сторону, полагает МВФ. Несмотря на меры поддержки экономики, предпринимаемые большинством стран, в 2009 г. рост продолжит замедляться, уверен МВФ, сокращаясь с учетом ППС валют по расчетам фонда с 3% до 2,2%, причем в зоне евро развитие уменьшится сильнее, чем в США, при самом сильном спаде в Британии /на 1,5%/ и ФРГ /на 0,8%/.

Из развивающихся стран сильнее всех страдают экспортеры сырья и страны, зависящие от внешнего финансирования, полагает МВФ, считающий наиболее пострадавшими из них страны СНГ /без России/, чей прогноз роста понижен им с 6,2% до 1,62%, причем ВВП Украины снизится до 3%, предупредил фонд, утверждая предоставление ей запрошенного для избежания дефолта кредита в 16,4 млрд долл. Рост же России прогнозируется фондом в 3,5%, в то время как для Китая он увеличен им до 8,5%, поскольку удешевление сырья ему на руку, а зависимость от иностранных займов для него не критична благодаря гигантским резервам, объясняет МВФ.⁹

Хотя МВФ в своих прогнозах не раз ошибался, представленное им, во всяком случае, служит информацией для размышления. Что же будет после 2008 года ни МВФ, ни кто другой точно не знает, хотя многие эксперты полагают, что кризис продолжится еще пару лет, если не дольше. За ним же, по всем расчетам, последует, как положено по законам цикличности, новое возрождение. При этом либералы уверены, что оно будет происходить на прежней праволиберальной основе, а демократы-государственники – в рамках уже совершаемого левого поворота при регулирующей роли государства. Причем все это должно происходить при отсутствующем пока наднациональном управлении, соответствующем требованиям продолжающейся глобализации, но осуществляемом не на основе верховенства и эгоизма одной сверхдержавы или «золотого миллиарда», а на началах солидарности всех стран и регионов и их общего долгосрочного программирования, исключая порождающую кризисы стихию и эгоистичную конкуренцию современного либерального капитализма рейгано-тэтчерского образца.

Что касается России, то поначалу полагали, что кризис обойдет ее стороной, сделав ее прибежищем для зарубежных инвесторов, наводнявших ее капиталом до середины 2008 года, учитывая ее повысившиеся инвестиционные рейтинги и солидные золотовалютные резервы. Так полагал и А. Чубайс накануне дефолта 1998 г. после развернувшегося Азиатского кризиса, рассчитывая на приток покидающего Азию спекулятивного капитала, соблазненного «экзотическими» процентами по операциям с ГКО. Но и на сей раз, хотя и в других условиях, чудо не произошло. Напуганный казусами с Митчеллом и ТНК ВР, а еще больше военным конфликтом в Грузии, совпавшими с нарастающим глобальным кризисом, иностранный инвестор стал стремительно покидать российские фондовые рынки, устремившись к «родным пенатам», как обычно и случается в подобных ситуациях, повысив курс доллара и обрушив эти рынки вдвое сильнее, чем это происходило с подобными рынками в других странах /развитых, развивающихся/ и за месяц уведя из России почти 25 млрд долларов, а всего за последний период ее покинули более 130 млрд долл. Опора фондовых рынков — наши

голубые фишки подешевели на 60 и более процентов /с 19.05.08 по 06.10.08 фондовый индекс упал на 65%, в КНР – на 47%, в мире – на 25-30%/, при том что активы 25 ведущих олигархов похудели на 200 млрд долларов, а в следующем списке мировых миллиардеров, публикуемом журналом “Форбс”, российское присутствие сократилось на половину причем в печати заговорили чуть ли не об исчезновении в стране олигархата как общественного сословия.

К тому же наши олигархи и крупнейшие компании, увлеченные в предшествующие годы дешевыми зарубежными кредитами для расширения своей деятельности в стране и за границей, задолжали иностранным банкам на гигантскую сумму почти в полтриллиона долларов, а теперь в связи с падением стоимости заложенных в их обеспечение своих активов наряду с очередными выплатами в погашение долгов и процентов по ним должны внести так называемый margin calls в пополнение залога, что сильно обострило положение, особенно при невозможности в условиях кризиса получить за рубежом новые кредиты или отсрочку по старым.

Все это сильно усложнило финансовое положение на рынке, сократив общую ликвидность компаний и банков, их капитализацию и кредитоспособность, вызвав недоверие между ними по вопросам кредитования и погашения долгов, парализовав нормальное развитие кредитно-расчетных отношений, сопровождаемое учащающимися случаями банкротства и закрытия банков и предприятий, сокращением их оборотов и занятости, спроса и предложения товаров и услуг, распространяясь по цепочке от предприятия к предприятию, от отрасли к отрасли, влияя на общую экономическую конъюнктуру в стране, ранее характеризовавшуюся устойчивым ростом.

Правительство РФ не могло не отреагировать на изменение ситуации в стране, уже давно активно и даже сверх меры включенной в мировой товарооборот и валютно-финансовые отношения с зарубежными странами, чей экспорт более чем на 60% определяем вывозом энергоносителей и другого сырья, наполовину и более подешевевших на мировом рынке за последнее время.

Правительство РФ на сей раз действовало быстро и решительно, используя обычный для

подобных случаев набор различных и в целом дорогостоящих средств, благо страна располагает накопленными в необычайно «тучные» предыдущие годы /прежде всего за счет сверхвысоких нефтяных цен/ и нерастраченными, непрерывно возрастающими до последнего времени резервными валютными фондами, помогающими выжить в нежданно наступивший трудный период и пережить его при минимальном благополучии страны и его неизбалованного народа, если положение за два, максимум три года нормализуется.

Словом, “выходы из кризиса есть, но они не будут бесплатными для страны”, считает вице-президент РАН академик А. Некипелов. По его мнению, «мы находимся относительно в лучшем положении, чем США и Западная Европа. Наши банки, к счастью, не торговали серьезно ценными бумагами, основанными на ипотеке», - сказал он ответ на вопросы корреспондента газеты «Россия». «К тому же правительство стало очень энергично действовать в августе-сентябре, когда события на нашем финансовом рынке стали приобретать неприятный характер». Некипелов считает, что «наша главная проблема – это большая задолженность российских компаний и банков иностранным кредиторам». За полтора месяца ЦБ совершил интервенцию на валютном рынке, чтобы не допустить быстрого падения курса рубля, истратив 36 млрд долл. из валютных резервов (за последние месяцы они сократились более чем на треть. – А.Б.), чтобы избежать сильного удара по нашим компаниям и банкам, облегчив, однако, тем самым вывоз капитала из страны. Правительство гарантировало всем банкам рефинансирование их валютных кредитов. Зарезервированы 75 млрд долларов на покупку государством обесценившихся активов, стоимость которых в будущем может возрасти, отмечает А. Некипелов¹⁰. Важно, однако, чтобы эти и другие огромные траты из сокращающихся госрезервов на поддержание финансов и бизнеса были использованы для поддержания экономики страны, а не на спасение просчитавшихся получателей, в материальном производстве, а не оказались на фондовой бирже или за рубежом о чем свидетельствуют «тромбы» на пути этих средств, что уже, к сожалению, происходит.

Кстати о последнем напомнил и Д. Медведев в своем президентском послании, в котором он высказал уверенность, что страна су-

меет справиться со всеми трудностями, связанными с далеко не завершенным кризисом, и уже в ближайшем будущем будет создаваться основа формирования в России одного из ведущих мировых финансовых центров как ядра самостоятельной и конкурентоспособной российской финансовой системы, будут приняты шаги, к укреплению рубля как одной из валют международных расчетов /прежде всего за газ и нефть/ с конечной целью превращения его в одну из региональных валют¹¹.

Разумеется, для всего этого нужны соответствующие предпосылки не только в стране, но и у ее важнейших торговых партнеров, их готовность и способность оплачивать в рублях свой импорт из России. Что же касается превращения рубля в региональную и, видимо, резервную валюту, то в принципе это представляется возможным в рамках СНГ, если и когда оно станет действенным интеграционным объединением, хотя рубль становится все более важным расчетным инструментом в торгово-экономических взаимоотношениях членов Содружества.

Что же касается внутриэкономических проблем развития страны, то в президентском послании высказан оптимизм в отношении продолжения неизменным взятого курса на модернизацию страны в рамках разработанной концепции развития до 2020 года с учетом ранее задействованных национальных программ и ориентиров на четыре “И” – Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации, с дополнением их пятой составляющей — Интеллект. Подчеркнута важность обеспечения средствами предприятий в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, машиностроение и оборонно-промышленный комплекс при приоритете за производством, а в перспективе и экспортом знаний, новыми технологиями и освоением новых ниш на мировом рынке для нашей конкурентоспособной продукции и соблюдением всех социальных гарантий.

Между тем продолжающийся мировой кризис способен усилить свое негативное влияние на наше социально-экономическое развитие, особенно с учетом сохраняющегося несовершенства структуры экономики и экспорта страны, ее продовольственной зависимости от экспорта, что в условиях сохраняющегося неблагоприятной мировой конъюнктуры может серьезно усложнить социально-экономическое и

бюджетное положение страны, заставив пересмотреть намеченные планы и принять неординарные меры для нормализации положения в стране в целом и ее отдельных регионах, что отчасти уже и происходит при коррекции бюджетных статей.

В этой связи характерно изменение за последнее время оценок состояния российской экономики и ее кредитоспособности международными рейтинговыми агентствами с традиционно стабильной на негативную, прежде всего с учетом падающих мировых цен на нефть и другие сырьевые ресурсы, доминирующие в экспорте страны.

Все это свидетельствует о том, что при быстро меняющейся конъюнктуре в стране и мире следует действовать на опережение, зорко следя за ходом развития и новыми тенденциями в нем, давая трезвую оценку происходящих событий и своевременно предпринимая эффективные и подчас жесткие меры по стабилизации складывающегося положения, далеко не всегда и не во всем укладывающегося в рамках долгосрочных концепций и планов.

Так, с учетом приближающегося нулевого баланса внешней торговли и продолжающегося оттока капитала из страны следует уже сейчас быть готовыми к сокращению импорта, прежде всего по позициям, не представляющим для страны судьбоносную значимость, соответственно изменяя таможенное регулирование и внося ограничительные квоты, благо стране не светит скорое присоединение к системе ГАТТ/ВТО, которое к тому же многим представляется несвоевременным для нее с учетом структуры ее экспорта. Параллельно следует максимально стимулировать самодостаточность страны по многим позициям, прежде всего сокращая ее непомерную зависимость от импорта продовольствия, медикаментов, ряда других товаров широкого потребления.

В этой связи нельзя игнорировать целесообразность введения государственной монополии на стратегически важные для страны внешнеторговые и финансовые операции, ограничив прежде всего, как эта с успехом делала Малайзия в период и после Азиатского кризиса, трансграничное перемещение спекулятивного капитала, а также ужесточения контроля за оффшорными операциями. Вполне своевременно введение налога на приобретение предметов роскоши и дорогостоящих особняков и квар-

тир, включая отказ от плоской налоговой шкалы, а также компенсации на приобретенную в 1990-е годы по дешевке государственность в ходе фальшивой приватизации /по аналогии с послетэтчеровским Windfall Tax в Англии/ и другие меры по рационализации и экономии собирания и расходования средств /бюджетных, резервных и др./ на проведение антикризисных мероприятий, сочетая все это с усилением борьбы с монополизацией, коррупцией, беззаконием и бюрократизмом – нашими главными бедами.

Ссылки на новый социализм здесь беспредметны, поскольку сохраняющийся в стране и ее экономической политике неолиберализм изживает себя даже на традиционно либеральном Западе, доказав свою неэффективность в сложившейся глобальной плачевной ситуации, в которой он прежде всего и повинен.

Что же касается внешнеэкономической политики страны, то в дополнение к четырем-пяти медведевских “И” следовало бы добавить и Интеграцию, понимаемую в узком и широком плане. В первом случае следует уделить особое внимание возрождению интеграционного процесса на постсоветском пространстве, учитывая отмеченную выше особую уязвимость зарубежных стран СНГ перед лицом разрастающегося кризиса, который должен стимулировать взаимовыгодное, а может стать на данном этапе и взаимоспасительным, сотрудничество его членов во главе с Россией как наиболее сильного и «кризисоустойчивого» члена Содружества, благо о создании для этого общего фонда в рамках ЕврАзЭС уже договорено на его февральском саммите. При общей координации антикризисной политики наиболее значимые конкретные меры могут быть реализованы и в рамках ШОС с последовательным расширением его членства за счет наблюдателей и приданием большего удельного веса в нем финансово-экономической составляющей.

В широком же плане дополнительное “И” имеет в виду усиление восточного вектора внешнеэкономической политики страны /причем без ущерба ее традиционному западному вектору/, учитывая и то, что именно в Азии видятся сегодня основные резервы роста и диверсификации ее торгово-экономического сотрудничества по всем направлениям. Для текущего же периода особенно значим тот

факт, что весь мир, включая Запад, рассматривает Азию и прежде всего Китай в роли главного спасителя от наступившего глобального бедствия, а уж нам как евразийской державе грех не воспользоваться этим, взаимодействуя с Китаем /и в целом группой БРИК/ как в спасительной миссии большого дружественного соседа, так и в самом процессе спасения мира, включая выработку новой прогрессивной и выгодной для всех стран и регионов глобальной финансовой архитектуры. В этой связи важно наметившееся укрепление общих позиций группы БРИК по основным проблемам нового миропорядка с учетом новых реалий глобализирующегося развития и нового соотношения сил в нем.

Наконец, и может быть основное в широком плане новой “И” для России как мощного и богатого ресурсами государства в центре Евразии на кратчайших путях между Западом и Востоком и соответственно старого атлантического и нового тихоокеанского центров силы видится в организации широкой трансконтинентальной кооперации с вовлечением в нее всех заинтересованных стран и интеграционных группировок Востока и Запада и его структур, включая наряду с СНГ и его структурами ШОС, ЕС, АТЭС, АСЕАН+3, а возможно также НАФТА и ее членов.

Такая трансконтинентальная кооперация в рамках подобной евразийской интеграции может формироваться по инициативе России как ее организационного центра и начинаться с широкого использования для обслуживания многомиллиардного товарооборота Европа - Дальний Восток кратчайших и в перспективе наиболее эффективных и безопасных транзитных путей /Транссиб, Севморпуть, воздушный коридор над Россией, а в дальнейшем и Шелковый путь/ с поэтапным развитием общих производств и кооперации в освоении природных и технологических ресурсов Сибири и всего СНГ с последовательным переходом на производственную кооперацию и совместную инновационную деятельность в перерабатывающих отраслях /особенно в рамках СЭЗ и технопарков/ с учетом разносторонних ресурсов и конкурентных преимуществ всех участников на взаимовыгодной и равноправной основе для них, при этом не превращая Россию в младшего партнера ни Запада, ни Китая, ни в гегемона в Содружестве.

Очень важным представляется и то, что реализация такого плана позволит дать толчок к возрождению умирающей интеграции в рамках СНГ, поскольку создаст реальную перспективу выгодного участия в нем для всех стран Содружества, преодоления структурных барьеров для интеграции лишь в его рамках /однотипность и сырьевая направленность экономики и экспорта, разновеликость участников и др./, сохраняя его идентичность во главе с Россией, без чего она не может стать после развала СССР по настоящему великой ни в глобальных ни даже региональных масштабах, о чем уже писалось немало, в том числе в ряде публикаций автора статьи¹².

Все рассмотренное выше в комплексе позволит России успешно и с минимально возможными потерями преодолеть трудности наступающего лихолетья и в итоге выйти на новый виток послекризисного развития, как обычно и происходит, экономически более сильной и готовой к широкой и глубокой модернизации страной по всем направлениям, успешно отвечая на все новые вызовы глобализации, включая и обновленную при ее участии в духе новых требований и с учетом изменившегося расклада мировых сил финансовую глобализацию как важную и наиболее динамичную составляющую глобализационного процесса.

Примечания:

¹ Financial Times. June 18, 2007.

² The Economist. Link by Link. October 18, 2008, p. 75-76.

³ Приводится по перепечатке материала Project Syndicate, 2008 в газете Ведомости от 8 февраля 2008 г.

⁴ The Economist. Special Report on the World Economy, October 11, 2008, pp. 1-20.

⁵ Ibid.

⁶ См. РБК daily. 29 сентября 2008.

⁷ The Post-American World, Fareed Zakaria. W.W. Norton&company. New York London, 2008, p. 292.

⁸ Главная тема// «Известия», 6 ноября 2008 г.

⁹ Тормозной путь.// «Ведомости», 7 ноября 2008 г.

¹⁰ Время дилетантов прошло. // Газета «Россия», 16 октября 2008 г.

¹¹ Главная тема//«Известия», 6 ноября 2008 г.

¹² См. Например: А. Быков. Исторический шанс: евразийская интеграция. // Мир перемен, 2006, №1, сс. 111-125.

Библиография:

Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). - 2007. - 204 с.

Дункан Р. Кризис доллара. Причины, последствия и пути выхода. Фундаментальный анализ: Перевод с английского. - М.: Омега-Л. 2008. - 295 с.

Финансовый кризис — шанс для прорыва// <http://www.info-crisis.ru/>

Финансовый кризис и будущее российской банковской системы// <http://www.mirkrizis.ru/>

Финансовый кризис в России. Тенденции и перспективы// http://www.financial-lawyer.ru/topicbox/economic_news/167-528134.html

